

Хранитель моего брата

Автор SlutWriter

Когда Бобби и Катрина спускались по пологому склону к ресторану "Дворец Дракона", солнце опускалось за горизонт, заливая здания в центре города оранжево-фиолетовым светом. Начинают зажигаться уличные фонари и неоновые вывески различных заведений, расположенных дальше по главной улице. Дальше, за четырьмя полосами движения и заправочной станцией "Петро-Хим", здания становились все выше, а улицы все грязнее. Это был район, куда детям Стерлингов запрещалось ходить без сопровождения взрослых.

В шести кварталах между ними пейзаж быстро менялся. Дом Стерлингов был закрыт воротами и выходил на частную дорогу, которая, в свою очередь, выходила на Главную улицу. Чтобы забрать еду, детям нужно было пройти мимо парка и нескольких боковых улиц. В начале пути за коваными воротами виднелись роскошные седаны, но к тому времени, когда Бобби и Катрина доехали до пересечения Мейн-стрит и Фултон, расположенного в пяти кварталах, это были более дешевые отечественные машины с ржавыми бамперами и заросшими газонами.

Катрина почувствовала странное волнение, решившись выйти на улицу со своим новым (ну, относительно новым) приемным братом, и почти взяла его за руку, чтобы повести за собой, но остановила себя, решив, что Бобби не захочет, чтобы с ним обращались в таких "детских рукавичках". Конечно, она сама была еще подростком, но все же старше его и выше на целую голову. Бобби оставил пиджак в доме, так как воздух был теплым, и снял галстук, придав себе более непринужденный вид, - Катрина подумала, что в этой непринужденной одежде мальчик выглядит довольно привлекательно. И дело не в одежде, а в его полной уверенности в себе. Она не подала ему руку, и он, конечно, не попросил и не потребовал ее. В этом он сильно отличался от ее родного брата Исаака, который, когда был младше, обычно прижимался к матери.

После церкви она быстро переоделась в топик и джинсовые шорты, спускавшиеся до бедер, - ничего нескромного, но все же позволявшие ее стройным ногам немного позагорать. Волосы у нее были настолько темные, что, если посмотреть на них со спины, они с Бобби могли бы сойти за родных братьев: у них были общие черты - оба стройные, аккуратные, ухоженные. Но в ее лице не было того, что было в лице Бобби, - некоего неосязаемого качества, о котором говорят украдкой брошенные взгляды: она просто хотела понравиться своему новому брату, а он, в свою очередь, нравился ей, в то время как Бобби, как всегда, был бесстрастен и не обращал внимания на чужое мнение.

"Ты когда-нибудь ела маклубу?" - спросил Бобби, не глядя на нее. спросил Бобби, не глядя на нее, а только стоя рядом, пока они стояли в ожидании редкого транспорта на углу улицы перед Фултон-авеню.

"Нет", - ответила Катрина. "Это китайская еда?" Произношение звучало для нее странно, как и то, что было в меню ресторана "Драконий Дворец" - яйцо фу юн, курица су гай и все остальное, о чем говорить почти так же интересно, как и есть.

Бобби покачал головой и даже, кажется, слегка улыбнулся. "Нет. Это лучше. Я могу тебе показать". Он начал переходить улицу, когда мимо пронесся человек на мотоцикле, и Катрина поспешила за ним.

"Но ведь Дворец Дракона совсем рядом", - сказала Катрина. "И я не знаю..."

"Это чуть дальше", - ровно ответил Бобби, и тут его лицо впервые изменило выражение, когда

он повернулся, чтобы посмотреть на нее, и его голос приобрел знающий тон. "Я не скажу, если ты не скажешь". Катрина не могла не улыбнуться тому, как убедительно он говорил, и ей понравилась идея посетить еще одну закусочную по нескольким причинам. Во-первых, потому что ей исполнилось четырнадцать лет, и семейное правило не переходить Фултон-стрит казалось ей довольно "детским" для взрослого человека, а во-вторых, было очень интересно и интригующе иметь секрет со своим новым младшим братом! Ведь секрет - это очень сильная вещь: крупинка, вокруг которой, как вокруг жемчужины, может образоваться доверие. Кроме того, Катрина не хотела быть "некрутой" старшей сестрой, которая тычет пальцем в Бобби и говорит ему, что они должны подчиняться правилам семьи Стерлинг.

"Ладно, - сказала она, откинув с лица длинные черные волосы и мило улыбнувшись. "Я не скажу, если ты не скажешь!" Они добрались до угла Фултон и Мейн, одного из тех оживленных четырехполосных перекрестков, которые казались такими страшными, когда она была маленькой. Справа от них на площади находился Дворец дракона, а также парикмахерская и другие бутики - все выглядело чистым и безопасным, но они шли не туда. Они с Бобби шли через дорогу, мимо бензоколонки "Петро-Хим", потом через другую улицу и дальше.

Солнце исчезало за горизонтом. Она уже начала отставать от Бобби, когда они подошли к противоположному бордюру, как вдруг зловеще замигал зеленый цвет светофора, и тут, что удивительно, именно он подал Катрине руку, чтобы она пошла за ним.

"Пойдем", - сказал Бобби, потянув ее за собой. "Не бойся".

"Я не боюсь", - машинально ответила она, но все же немного боялась. Уже стемнело, на улицах местами были люди, взрослые, и они входили в незнакомую часть города. С каждым шагом ее сердце билось все быстрее, а в животе порхали странные бабочки - ей действительно казалось, что они с Бобби делают что-то запретное. Это напомнило ей о том, что она чувствовала раньше, когда стояла перед ним на коленях и причащалась. Тогда ей было очень трудно разобраться в своих чувствах. Бобби словно обладал каким-то магнетизмом, странной убедительностью, которая заставляла ее желать произвести на него впечатление, следовать за ним, увидеть то, что он хотел ей показать, и взять то, что он хотел ей дать.

Они прошли еще один квартал, и Катрина рассматривала витрины различных магазинов, мимо которых они проходили, почти задыхаясь от увиденного. Халяльный мясной магазин "Калаф", - гласила одна из витрин, рядом с которой были написаны от руки слова, состоящие из тильды и черточек, которые, как она догадалась, были арабскими. Закрытое окно показалось ей чужим и темным, и она увидела в нем тусклые фигуры, которые напугали ее, - предметы, подвешенные на металлических крюках.

"Боже", - пробормотала она, а Бобби продолжал вести ее дальше. Они прошли мимо человека, разговаривающего по дешевому одноразовому мобильному телефону, человека в перчатках без пальцев и с бородой. Он выглядел сердитым. Когда двое детей обогнули его, он закричал: "Ты, сука, ты, сука, я тебя убью на хрен!". На этот раз Катрина действительно задохнулась. Она так редко видела взрослых, расстроенных настолько, чтобы говорить такие вещи, но она едва успела понять, что это значит, как Бобби потянул ее за собой.

Они дошли до провала в тротуаре, который выходил в переулок между высокими зданиями, и Катрина уже собиралась спросить, где находится этот ресторан, когда Бобби свернул в него. На этот раз она остановилась на месте, не позволив ему потянуть ее за собой. "Нет, Бобби!" - задыхалась она, глядя в переулок. Он был освещен фонарями, прикрепленными к неровному кирпичу, некоторые из них были разбиты и мерцали. Ширина переулочка едва хватало для того, чтобы в нем могла поместиться одна машина. Это был переулок, который вел за магазины и

квартиры, на улицу, выходящую к их задним дверям, где грузовики могли заезжать в гаражи для погрузки и разгрузки. За ним не было ни зданий, ни улиц, только ограда из цепей и темное небо, скрытое темными высокими травами и деревьями. "Мы не можем туда войти".

Бобби поднял на нее глаза, все еще сжимая ее руку. "Это совсем рядом", - сказал он. "Я обещаю".

У Катрины задрожали губы. Переулок казался таким темным. Она видела лужи, битое стекло, граффити. Все то, что ассоциировалось у нее с плохим и неправильным по причине просмотра множества фильмов - фильмов, которые запрещали родители, но к которым она получала доступ через аккаунт Netflix подруги во время ночевки и визитов.

"Ты уверен?" - прошептала она, ее лицо было встревожено.

Бобби посмотрел на нее с такой спокойной уверенностью, что ее невозможно было не убедить. "Поверь мне", - сказал он. И он выглядел таким компетентным и уверенным в своей белой рубашке с открытым воротом и черных брюках, что она позволила себе прислушаться. Она снова почувствовала то странное чувство в животе, то ощущение бабочек, которое возникает, когда делаешь что-то запрещенное - например, крадешь что-то в местном магазине или (как она однажды сделала тайком в гараже у своей подруги Шэрон) впервые пробуешь сигарету.

Бобби пошел вперед. Катрина последовала за ним. Они выбрались через узкий переулок на улицу за магазинами и зданиями, солнце село, становилось темно. На улице чередовались тени и золотые круги фонарей. Катрина смотрела по сторонам и видела рифленые двери и стальные ставни, места для погрузки и разгрузки, ту часть магазина, которую никто, кроме хозяина и его рабочих, скорее всего, никогда не увидит. Здесь было грязно, кроме уличных фонарей был только один источник света, который...

Раздался рык, Катрина застонала и поднесла руки к щекам, ее колени сжались вместе. Подростковая грудь (на данный момент, спасибо, гораздо больше, чем просто грудь) подпрыгнула, а красивые глаза расширились, радужная оболочка вспыхнула сине-серым светом. Это была собака. Большая черная собака без ошейника и в потрепанной шерсти, оскалившая зубы... на нее. На них!

"Боже мой, Бобби!" - и это маленькое богохульство вырвалось у нее прежде, чем она успела подумать. Катрина инстинктивно отшатнулась, и ее рука упала с руки Бобби. Она не повернулась, чтобы бежать, потому что знала: если она прервет зрительный контакт с чудовищем, то первое, что она услышит, будет топот лап по цементу, все ближе и ближе, прежде чем эти ужасные на вид зубы вгрызутся в ее бедро или лодыжку. Она отступала, но Бобби не отступал. Восемнадцатилетний мальчик стоял, храбрясь, как ни в чем не бывало.

"Бобби!" - снова закричала она, и на этот раз это был вопль. Ей было очень страшно, и за этим страхом скрывалось нечто худшее - если Бобби будет укушен или ранен, ей придется предстать перед их родителями и объяснять, как это случилось, как она позволила младшему брату забрести в небезопасную часть города! "Бобби, оно бешеное! Отойди!" Она не знала, бешеное это животное или нет... но оно точно было грязным... и выглядело исхудавшим и голодным. Это был ротвейлер или что-то вроде того, очень злая собака.

"Нет, я его знаю", - сказал Бобби и присел перед собакой, примерно в пятнадцати футах от нее, пристально глядя на нее. "Я его знаю".

"Ты его не знаешь!" шипела Катрина. "Бобби, это бездомная собака..."

Бобби поднял руку за спину, в ее сторону, не отрывая взгляда от собаки, которая все больше рычала и фыркала, прежде чем испустить серию резких лаев. Катрина набиралась храбрости - она решила, что пойдет вперед и схватит Бобби, а если понадобится, то и возьмет маленького мальчика под руку. Ей было четырнадцать, и она рано созрела, была на голову выше и физически мощнее.

"Привет, брат, - сказал Бобби и провел пальцем перед своим лицом. С высоты своего положения, даже частично находясь за его спиной, Катрина видела, что Бобби уверенно ухмыляется. Он начал говорить с собакой, мягко и твердо. "Ты узнаешь меня? Да, ты меня узнаешь".

"Бобби..." сказала Катрина, но ее голос прозвучал мягко и бессильно. Она наблюдала за тем, как Бобби пристально смотрит на собаку, приседая и опускаясь, чтобы установить зрительный контакт. И что самое удивительное, зверь, казалось, почти отвечал ему! Последнее рычание перешло в вой на хвосте, а затем рычание и лай и вовсе прекратились. Хвост ротвейлера опустился и упал между лап, он задрожал, издавая жалкий высокопарный звук.

"Бобби", - повторила Катрина. "Бобби, как?" Она не могла оторвать глаз от происходящего. Собака, которая еще несколько мгновений назад казалась злобной, отступала.

"Ничего страшного", - сказал он. "Я знаю его, а он знает меня. Он живет каждый день в поисках следующей пищи. Напуганный, готовый убить или умереть, лишь бы поесть. Это значит, что он знает меня. Он знает Меня каждый день своей жизни". Он поманил собаку пальцем, и та только вздрогнула. Затем, что удивительно, она начала медленно идти вперед, скуля и низко опустив голову. Она не хотела приближаться, это было совершенно точно, но Бобби, казалось, не оставлял ей выбора. Катрина никогда не видела ничего подобного. Смотреть на это было ужасно. Даже когда опасность миновала, то, как собака сжималась, дрожала, но все равно откликалась на зов Бобби... это было так неправильно.

"Бобби, остановись", - прошептала Катрина. Ее голос прозвучал с трудом. Собака дотянулась до протянутой руки Бобби, покорно свесила голову почти до тротуара. Она снова задрожала, а затем начала неудержимо мочиться, забрызгивая землю и свои исхудалые голодные голени ароматной собачьей мочой. Она никогда не видела, чтобы такое грозное существо так трусило. Шавка, которая наводила на нее ужас, исчезла, сменившись чем-то жалким. Подневольное, ползающее животное, над которым Бобби полностью... полностью... властен.

Взгляд Катрины остановился на собачьем члене, из которого вытекала желтая лужица пара. Ее снова охватило чувство, что она видит что-то запретное, что-то мерзкое, что-то такое, что может увидеть только взрослый. Она снова почувствовала тех бабочек, покалывание. "Обычно он мочится, чтобы пометить свою территорию, - сказал ей Бобби, не оборачиваясь. "Но он знает, что здесь это нехорошо. Не пока я здесь. Он знает".

Прежде чем Катрина успела сообразить, что происходит, руки Бобби полезли в брюки. Ей потребовалась секунда, чтобы понять, что он делает; это было характерное мужское движение, которое она видела в различных фильмах и даже один или два раза лично, в походах, когда кузену нужно было отойти от проторенной тропы, повернуться лицом к дереву и облегчиться. Она широко раскрыла глаза.

"Бобби, что ты делаешь!" - задыхалась она, но Бобби только облегченно хмыкнул, вынимая свои гениталии из пуговичной ширинки. Катрина смотрела только сбоку и сзади, но ей все равно было видно, что ее приемный брат достает из штанов - огромный, выпирающий вал невероятной длины, за которым виднелась пара яичек величиной с кулак.

"Это член Бобби и его яйца," подумала Катрина, и кровь прилила к ее лицу, сделав его таким красным, каким оно, возможно, никогда не было. Конечно, она знала, что у мальчиков есть такие приспособления - она видела схемы в учебниках, слышала слухи и легенды о позорных "стояках", от которых страдали одноклассники и над которыми хихикали ее друзья. Ей было четырнадцать, и она была не глупа, конечно, она знала, что мужчины делают со своим членом, чтобы в нужный момент заключить брак. Однако даже с первого взгляда она поняла, что Бобби вряд ли можно назвать нормальным. Он был огромным - гораздо больше, чем полагается мальчику его возраста, и гораздо больше, чем на схемах в учебниках. Она не знала, как ему удалось спрятать такой большой член в штанах и скрывать это от посторонних глаз!

Кожа Бобби была достаточно светлой, поэтому скудный свет в переулке отражался от его ствола и показывал, что он свисает почти до колена; его длина составляла добрых одиннадцать дюймов, а может быть, и фут (30 сантиметров). Мальчик стал беспечно орудовать им, держась одной рукой за кончик, а другой прицеливаясь в потрескавшийся асфальт, где уже блестела невольная моча. Бесцеремонность действий Бобби странным образом соответствовала тому, что они делали до сих пор - он завел ее в переулок против ее предупреждения, уговорил поискать новый экзотический ресторан, бесстрашно подошел к беспородной собаке, когда она хотела убежать. Катрина знала, что это еще глубже, чем те шаги, нарушающие границу, и ждала, что ее охватят возмущение и смущение. Вместо этого она обнаружила, что ей интересно. То, что делал Бобби, настолько отличалось от всего, что она когда-либо испытывала, что не могло не ассоциироваться у нее с мирским и взрослым.

"Ах!" Бобби застонал, и, пока его старшая сводная сестра наблюдала за происходящим, из большого кончика его члена на землю начала вырываться пенистая, обильная струя мочи, которая вливалась в уже существующую лужу, заставляя ее пульсировать и разбрызгиваться, быстро переполняя ее своим объемом. Моча мяукающего и хрипящего ротвейлера вымывалась и заменялась мочой Бобби, и уже через несколько секунд его моча растекалась, заливая трещины в цементе и мерцая в полумраке. Солнце опустилось за горизонт, окольцевав мочу мандариновым блеском.

"Он так много мочится," подумала Катрина, и эта мысль заставила ее почувствовать себя пошлой до невозможности. Вместо того, чтобы отвернуться от того, что должно было быть проявлением ужасной грубости, с криком "Фу!" или чем-то подобным, она продолжала наблюдать. Струя мочи была толщиной с палец и, казалось, продолжалась более тридцати секунд, образовав лужу, которая шла по трещинам в бетоне, пока не свернула в дренаж у дальнего бордюра. Она чувствовала его запах - едкий, влажный, запах джунглей, от которого кружилась голова.

Это потому, что его штуковина такая большая, подумала Катрина, покраснев еще сильнее. Она не могла не сравнить вздрагивающую, поверженную собаку, жалко мочившуюся на свои мохнатые лапы, с силой и уверенностью, которую демонстрировал Бобби. Она инстинктивно понимала, что это то, о чем она никогда не сможет рассказать ни матери, ни тем более отцу, и от этого ей становилось еще более волнительно. Она была в новом месте, с новым человеком, видела новое... и это заставляло ее чувствовать... чувствовать... чувствовать.

"Боже мой, Бобби", - вздохнула она и неосознанно прикусила нижнюю губу. Ее соски запульсировали внутри топа и, казалось, стали неожиданно чувствительными к ткани. Она почувствовала покалывание в животе и между ног. Она боролась с этими ощущениями, пока струя Бобби, наконец, начала ослабевать, дуга сначала немного, потом поникла, затем распалась и потекла прямо вниз. Он стряхнул последние капли, не сводя глаз с собаки, и спокойно засунул член обратно в брюки, сделав для этого несколько движений, после чего снова застегнул ширинку.

Бобби вытер руки о брюки, затем жестом указал на сжавшегося и дрожащего ротвейлера. "Давай. Давай!" Его движение, казалось, ослабило хватку существа, и оно побежало так быстро, что его лапы едва упирались в цемент, подбрасывая на ходу капельки мочи, бежало, насколько хватало глаз, а затем скрылось за углом и скрылось в темноте ночи.

Катрина встала рядом с Бобби, глядя на него с благоговением. "Бобби, это было... Я не могу поверить, что ты это сделал!" Ее бедро почти вжималось в его бок. Она положила руку ему на плечо. Внезапно ей очень захотелось прикоснуться к нему, быть связанной с ним. Это казалось... безопасным.

"Я просто должен был показать ему, кто здесь главный", - сказал Бобби, и его глаза казались отрешенными. "У него нет желания драться. Он не из тех собак. Он трус. Он крадет за людьми, когда думает, что они его не видят. И ведет себя жестко только тогда, когда у него есть преимущество". Он лукаво улыбнулся и бросил взгляд через плечо в сторону переулка, из которого они вышли. Катрина тоже повернула голову, но ничего не увидела, и тогда выражение лица Бобби изменилось, и он обратился к ней.

"Ты что-нибудь заметила?" - спросил он, глядя на нее сверху. Катрина снова покраснела.

"Нет".

Мальчик впервые улыбнулся. " Лгунья."

Катрина отвернулась и ничего не сказала, но не могла не улыбнуться в ответ. "Это было странно, Бобби", - предложила она, решив, что именно это она должна сказать, даже если на самом деле не чувствовала этого.

"Этот пес больше не придет в мой переулок", - сказал Бобби. "Теперь он меня чует и будет бояться. Это все, что я сделал". Он сделал паузу, затем посмотрел в глаза Катрине. "Держу пари, ты всегда хотела посмотреть, каково здесь ночью, а?"

"Я не знаю", - ответила Катрина. Но она знала. То, что родители установили границу Фултон-стрит, заставило ее с любопытством ждать, когда она выйдет за ее пределы.

"Ты когда-нибудь видела, как мочится мальчик?" спросил Бобби.

"Нет!" ответила Катрина, а затем хихикнула от чистой смелости вопроса. "Нет, особенно на людях, Бобби..."

"И я уверен, что ты больше не боишься этой собаки, да?" продолжал Бобби. Его зеленые глаза сверкали. Катрина покачала головой. "После захода солнца многое случается, если не бояться", - сказал Бобби. Он взял ее за руку и жестом указал дальше по переулку, к единственному источнику света, который выглядел почти как витрина магазина, и Катрина последовала за ним. Она не знала, что произойдет... но чувствовала, что что-то произойдет.

Ее сердце колотилось как сумасшедшее.

Он не из тех собак.

Исаак никогда не был умным мальчиком, но у него хватило сообразительности достать из шкафа старую куртку и закутаться в нее, пока он шел за Катриной и Бобби по Фултон-стрит. Куртка, которую его сестра не узнала бы, если бы оглянулась и увидела его на расстоянии, скажем, двух кварталов. Исаак хотел посмотреть, как они общаются; он собирался отвести

Катрину в сторону и высказать ей свои подозрения, что их новый приемный брат - змея, вошь и плохой ребенок, но он не сможет этого сделать, если его отношение к нему будет слишком положительным. Он шел, засунув руки в карманы и уткнувшись надутым лицом в поднятый воротник. От куртки пахло плесенью, но в сочетании с шерстяной шапкой это было достаточно хорошей маскировкой.

Он почувствовал приступ страха, когда Бобби и Катрина решили перейти Фултон-стрит, и возненавидел себя за это. Как и Катрина, он знал о запрете делать это без сопровождения родителей. Отсутствие колебаний со стороны Бобби заставило его еще больше презирать маленького интригана. "Куда это ты собрался, придурок?" - пробормотал он про себя, раздумывая, стоит ли идти дальше или бежать в дом и немедленно начать доносить. В конце концов, уверенность в том, что Бобби впоследствии обвинит его в трусости - "ой, смотрите, малыш боится переходить улицу в темное время суток", - подтолкнула его к тому, чтобы идти следом. Это, а также растущее любопытство. Когда они прошли еще два квартала, он начал настораживаться, а когда свернули в узкий переулок и направились за витрины магазинов, он очень встревожился.

Прошла минута, прежде чем он набрался смелости, чтобы на цыпочках пройти по переулку и заглянуть за угол. К этому моменту он был уверен, что потерял их... Но вместо этого он увидел нечто, чего не мог понять. Бобби стоял с высунутым членом... и мочился! И делал он это прямо на глазах у своей сестры Катрины. И она наблюдала за ним! И ее глаза, казалось, были прикованы к его члену... который, с точки зрения Исаака, был очень, очень большим!

Исаак вжался в воротник до тех пор, пока из него не показались только его русые волосы. То, что он видел, было неправильно, и, хотя его еще не окрепший разум не мог сформулировать это, он чувствовал себя так, словно наткнулся на какой-то темный ритуал, что-то такое, от чего его просто перекосило бы при виде этого. Вся моча, вытекающая из члена Бобби, который был намного больше его собственного - казалось, в десять раз. Его красивая старшая сестра, стоящая в восторге и краснеющая, и последний безумный штрих - грязный, скулящий черный пес, дрожащий перед Бобби, похожий на измученного питомца злой ведьмы.

Он хотел отвести взгляд и не мог. И тут он услышал слова Бобби: У него нет желания драться. Он не из тех собак. Он трус. Он крадется за людьми, когда думает, что они его не видят. И он ведет себя жестко только тогда, когда у него есть преимущество".

Бобби говорил вовсе не о собаке. Исаак никогда в жизни не был так уверен ни в чем. И когда эта уверенность накрыла его, как саван, Бобби оглянулся назад в переулок, безошибочно повернув голову, чтобы посмотреть прямо на Исаака и его затененное убежище. Подавив вздох, он отступил за край здания и прижал ладони к кирпичу. Его прошиб холодный пот. Он был так осторожен, а мальчик повернул голову прямо на него, словно руководствуясь каким-то сверхъестественным шестым чувством.

Исаак сжал кулаки и обнаружил, что его ладони влажные. Он сглотнул и постарался замедлить дыхание, боясь снова выглянуть из-за угла. Он боялся, что если вывернет шею, то столкнется лицом к лицу с зелеными глазами Бобби. Глаза, которые теперь казались пугающими. "Уходи", - прошептал он, так тихо, что только он мог это услышать. "Просто уходи".

Когда Бобби и Катрина двинулись по аллее, они подошли к небольшому магазинчику - не больше киоска в торговом центре. Он освещался фонарями, висевшими на железных крюках - довольно анахронично для такого времени. С улицы была видна испачканная столешница, на которой лежала изрезанная и потрепанная разделочная доска с утопленным в край большим

тесаком. За всем этим наблюдал мужчина в тюрбане с изрезанным глубокими морщинами лицом. Катрина прикинула, что ему лет семьдесят или больше. Щеки его были впалыми, а глаза чертовски налитыми кровью. На нем был простой белый халат под темно-малиновой шалью. Его исхудалое тело напоминало саван, которым накрывают труп.

Над ним висела вывеска, написанная крупными буквами обветрившейся краской. "Аль Азиф", - гласила надпись на арабском языке с чужеродными полумесяцами и крючками. Катрина почувствовала запах дыма, благовоний и крови, услышала звуки живых кур и коз, доносящиеся из темноты дальше. "Это не супермаркет", подумала Катрина. "Это не похоже ни на одно место, где я когда-либо была". Ее родители устраивали бесчисленные ужины из курицы и индейки, и ни разу она не задумывалась о значении мясного прилавка и ножа.

Хозяин магазина стоял бесстрастный и немигающий, пока они приближались, и когда они подошли на расстояние пяти футов, Катрина почувствовала прилив страха. "Бобби... - начала она, но не могла заставить себя сказать, что ей страшно, не после того, как он показал ей, как преодолевать страх.

"Все в порядке". Он подвел ее к стойке, которая была чуть выше ее талии, но почти доходила ему до плеча, и она без тени страха посмотрела на грозного аравийского мужчину. "Два", - сказал Бобби и показал два пальца. "Маклуба. И пусть она будет свежей". Мужчина кивнул и с треском осколков выдернул свой тесак из разделочной доски. Катрина посмотрела на пропитанную кровью поверхность и глотнула. В центре прилавка, отбрасывая свет, стояла плита с кастрюлей, и хозяин обливал ее растительным маслом, которое шипело и пускало пар, подбрасывая ломтики помидоров, цветную капусту и баклажаны.

Катрина посмотрела на Бобби, прижав руки к груди, и наконец смогла выдохнуть. Только тогда она поняла, насколько напряженной и испуганной она была. "Боже, - сказала она. "Я даже не знаю... Это просто безумие, Бобби. Я не могу поверить, что такое место находится в десяти кварталах от нашего дома". Но когда она посмотрела в небо и вокруг, чтобы изучить окружающие здания, она не смогла распознать никаких ориентиров. Войдя в переулок, она услышала шум движения на Главной улице. Теперь они казались приглушенными, как будто существовали в своем собственном маленьком пузыре. А небо темнело ужасно быстро.

"Держу пари, ты всегда хотела посмотреть, каково это - снаружи, да?" - сказал Бобби. Мужчина в халате отошел от плиты и взял клетку из проволочной сетки с курицей внутри. Катрина наблюдала за ним с нарастающим напряжением, слегка покраснев от вопроса Бобби. Действительно, она начинала испытывать раздражение от строгости отца. Ограничения в одежде, средствах массовой информации и передвижении казались ей все более необоснованными по мере того, как она видела, как живут другие девушки ее возраста. Конечно, эта сторона города была тем, что отец не хотел, чтобы она видела.

"Может быть", - признала она. "Но... думаю, это не так уж плохо". Ее взгляд остановился на кастрюле, из которой шел пар, и на овощах, жарящихся в масле. Она почувствовала непривычный запах специй. Однажды она спросила отца, на что похожа индийская еда, и он сказал, что это похоже на гарантированный случай диареи. Кэл Стерлинг постоянно возводил стены, мешая ей знакомиться с новыми людьми, пробовать новое. С Бобби она чувствовала себя более взрослой.

Она смотрела, как продавец переносит клетку с цыплятами на столешницу, и сердце ее билось все быстрее и быстрее. Она чувствовала себя почти заипнотизированной сочетанием ужаса и темного любопытства. "Бобби, это не..."

"Знаете ли вы, что на птицефабриках всех маленьких птенцов мужского пола перемальвают?" монотонно сказал Бобби. "Потому что они не несут яиц и не становятся достаточно большими, чтобы их можно было жарить. Курица, которую мы ели вчера на ужин, была из такого места".

"О," - сказала Катрина, ее глаза были прикованы к курице в клетке. "Это ужасно".

"Папа и мама никогда не говорили тебе об этом, да?"

"Нет".

"Так будет лучше", - продолжил Бобби. Раздался скрип, когда молчаливый мужчина открыл проволочную клетку и грубо взял курицу за шею, едва она оказалась в двух футах от места, где стояла Катрина. Он прижал птицу к режущему бруску, и она с трудом перебирала лапками. Катрина закрыла глаза и отвернулась. Но тут она почувствовала, что Бобби сжимает ее руку.

"Не закрывай глаза", - сказал Бобби. "Это может быть страшно, но, по крайней мере, это правда. Так все и есть на самом деле".

Катрина открыла глаза. Ей казалось, что она хочет выпрыгнуть из собственной кожи. Предвкушение, страх, неведомый восторг - все это мерцало в блеске поднятого клинка. Дикая собака. Падальщики. Негодяи в пропитанных алкоголем переулках, кричащие своим подружкам в телефоны с треснувшими экранами. Тени на фоне мандариновых закатов. Лампадное масло. Кунжут, шафран и черный перец. Визг ягненка в клетке. Ее младший брат, разбрызгивающий тяжелую, обильную мочу по потрескавшемуся асфальту.

В животе у нее все бурлило. Между ног покалывало.

Мясной тесак опустился. Кровь брызнула легкой дымкой, и она почувствовала, как капли щекочут ее лицо. Она вскрикнула в тревоге, но это прозвучало как наслаждение. Ее колени дрожали и стучали, и она наклонилась вперед, выставив вперед свои круглые, стройные ягодицы в обтягивающих шортах.

"Боже мой", - прошептала Катрина, поднося руку к лицу. "Боже мой". Она прислонилась к стойке, сбив колени и сжав бедра. Хозяин грубо схватил мертвую курицу одной рукой и начал ощипывать ее, не обращая внимания на ее близость. Потекла кровь, перья взметнулись в воздух. Катрина застонала, и звук смешался с горячим шипением на плите. Столько раз она слышала эту метафору - лев и ягненок, Агнец Божий. Всегда так стерильно, метафорично и чисто. Но это была настоящая судьба ягненка. Мир был полон подобных вещей, и безопасная мораль ее отца больше походила на отрицание.

Катрина вдруг почувствовала настоятельную потребность помочиться, и между ног у нее появилось что-то еще - влажность и покалывание, не имеющее ничего общего с мочеиспусканием. Такое ощущение она испытывала и раньше, очень редко и всегда при довольно неловких ситуациях. Как будто вся ситуация - все вокруг, от ночного неба до аллеи и самого Бобби - накладывало на нее чары.

"Бобби, я чувствую себя... странно", - призналась она, положив ладони на столешницу. Ее лицо покраснелось.

"Тебе нужно в туалет?" - спросил Бобби. Она кивнула, следя глазами за обветренными руками арабского мужчины, который готовил курицу, разрезая ее на части, обмазывая маслом и бросая на шипящую сковороду. На щеке у нее трепетало перышко, и она поняла, что оно прилипло к одной из капелек крови. Когда курица приготовилась, мужчина подошел к клетке,

где был привязан ягненок. В руке он держал острый нож.

"Да, - сказала Катрина, ее лицо горело от смущения. "Да. Я хочу". Эта потребность, это чувство необходимости отпустить себя, излиться и освободиться, казалось аллегорией более широкого и сложного пробуждения.

"Ну так иди", - сказал Бобби. "Я сделал это перед тобой. Ты можешь сделать это передо мной".

"Я не могу!" - машинально застонала она. "Не здесь, не с тобой!"

"Кто сказал?" просто сказал Бобби и пожал плечами. Все казалось таким простым: ее приемный брат был привратником в месте, где не требовалось, чтобы каждый фасон, прическа и предмет одежды были проверены и одобрены отцом. Туда, где цыпленка привозили не в пластиковой упаковке из стерильной бакалеи, а горячим из залитого кровью цеха, убитого чужим человеком с кожей, похожей на вяленую. Место, где все направления и звуки, казалось, исчезали в темноте, а все вещи были разрешены.

Это было место, куда она хотела попасть. Она поняла, что пойдет на это.

Она опустила руки к бедрам, вцепилась пальцами в джинсовую ткань шорт, расстегнула их, большими пальцами подцепила голубые трусики и спустила оба слоя одежды. От ночного воздуха не веяло прохладой, кожа была обжигающе горячей и покрасневшейся. Нежный изгиб лобка был припорошен призраком тонких коричневых лобковых волос. Ее лобок был абсолютно налитым, губы влажными и набухшими, а на клиторе виднелся пульсирующий шарик. Она спустила шорты на задницу, и круглые шарики плоти подпрыгнули, когда пояс задрался и обнажил их, а затем опустила одежду до колен, согнувшись в талии и непристойно выпятив зад. Она не успела выйти из ножных отверстий своей одежды и прислонилась к стойке, слегка приседая.

"О, Боже... Бобби, что я делаю? Это так неправильно!" - стонала она, но Бобби ничего не говорил, а только смотрел с выражением, которое невозможно было прочесть. Ее рот был открыт, она тяжело дышала, почти задохнулась, а ее молодое тело заходило ходуном. Она смотрела, как продавец подтащил к прилавку барашка. Он был гораздо крупнее курицы, и смотреть, как он швыряет его на столешницу и крепко держит за голову, было на порядок более жестоко. А звук, который он издавал - отчаянное блеяние, - казалось, отдавался эхом. Он звучал почти как человеческий. Катрина не слышала никакого движения, доносящегося с главной улицы. Не было видно ни облаков, ни звезд. Небо было темным с сине-оранжевым оттенком у горизонта. Она чувствовала себя дезориентированной. Дезориентирована, и... и...

Она почувствовала, как рука Бобби скользнула между стойкой и ее животом, надавила на него, заставив внутренности ощутить жар и тепло. Ей нужна была разрядка.

Она вскрикнула и наклонилась вперед. Арабский мужчина провел ножом по главной артерии ягненка. Кровь разлетелась по воздуху, забрызгав его белый халат, но больше всего багровых брызг попало прямо на лицо Катрины. Ее киска задрожала и сжалась от ощущения, превосходящего все, что она когда-либо испытывала, она не могла этого понять. Она потянулась вниз, чтобы раздвинуть себя, ощущая липкий жар собственных складок, и из ее щели вырвался взрыв мочи, разбрызгивающийся звездочками. Моча хлынула на тротуар аллеи, скопилась под ней, частично намочив трусики, несмотря на ее попытки их спустить.

Ее задыхающееся, пунцовое лицо пылало от осознания того, что она писает на публике, делает большой, мерзкий, обременительный поступок прямо на глазах у своего младшего брата! И это было приятно! Это был клапан, который наконец-то открылся! Более того, помимо

мочеиспускания появилось ощущение, которое, как она знала, должно было быть оргазмом - первым в ее зарождающейся сексуальной жизни. Изящное, грешное, сладострастное тело, едва научившееся двигаться, прижималось к прилавку, а артериальная кровь извергалась из него, окрашивая его в пунцовый цвет и придавая ему медный вкус. Перерезанное горло ягненка заливало все ее лицо, и это было так противно и приятно!

Катрина еще больше раздвинула ягодицы, потянулась к ним сзади, чтобы раздвинуть их, обхватить, раздвинуть, чтобы розовый полумесяц ее киски был максимально обнажен, и струйка мочи превратилась в тугую веревку золотистых, сверкающих выделений. Она выгнула спину и мочилась вниз и за спину, забрызгивая тротуар с такой силой, что это было слышно, доводя себя до оргазма, когда она опорожняла мочевой пузырь, вдавливая свои чувствительные груди в столешницу, вымазывая халат в крови и куриных перьях. Ее маленькая, розовая, трепещущая дырочка напрягалась, чтобы выпустить такой обильный поток мочи - все это было настолько первобытно, что она не могла удержаться от крика, раздвигая себя и позволяя своему маленькому брату увидеть все детали. Каждый раз, когда струйка крови попадала ей на лицо, заставляла ее киску сжиматься, из ее складок вырывалась очередная струя мочи, а по ее спелой киске прокатывалась еще одна дрожащая ударная волна наслаждения.

Несколько мгновений она ничего не понимала, пока ощущения стихали. Кровь ягненка стала не бурлить, а течь. Она прижалась щекой к столешнице и тяжело дышала, смутно осознавая, что "шеф-повар" перешел к разделке и приготовлению барашка к ужину. "О Боже, Бобби", - слабо вздохнула она. Она моргнула, дважды, а затем резко поднялась с прилавка, на этот раз с большей тревогой. "О! Что я наделала!?" - сказала она. Она поднесла руку к лицу, и та снова окрасилась кровью. Запах стоял у нее в носу, по всему телу.

"Не волнуйся", - сказал Бобби, глядя на Катрину, стоящую у стойки рядом с ней. Он пожал плечами и уверенно улыбнулся. "Это не может причинить тебе вреда. Кровь ягненка - это всего лишь кровь ягненка. Она имеет силу только в том случае, если вы даете ей силу".

Голос Катрины повышался и ускорялся. "Но я вся в крови, и моя одежда испорчена... и я сделала... я сделала это перед тобой...".

Бобби взял ее за руку. "Это не имеет значения", - сказал он. Его резкий ответ прозвучал как шипение свежего мяса, брошенного в кастрюлю немым хозяином, носящим тюрбан.

Катрина обхватила себя руками. "Я чувствую себя такой... грязной", - сказала она. Глаза ее были погружены в раздумья, но громкость голоса упала, а тон говорил о том, что она рассматривает это прилагательное "грязная" в ином свете, чем раньше. Грязные улицы, грязные фильмы, грязная одежда, грязные иностранцы и их грязные идеи. Все то, от чего так или иначе предостерегали ее родители.

"Но тебе ведь понравилось, правда?" спросил Бобби. Она сжала его руку в ответ. Ее шорты и трусики все еще были на коленях; ночной воздух был мягким, и она чувствовала собственную влажность... и вспоминала всю горячую мочу, которую она вылила на себя, большими очередями, как животное. Позволяя брату наблюдать за ней, показывая ему каждую частичку себя, как она стонет, бьется и купается в крови...

"Да."

"И тебе нравилось смотреть на меня, когда я это делала?"

"Да", - повторила она. "Ты... ты очень большой, Бобби". Ее лицо, если бы оно не было пунцово-

красным от крови ягненка, стало бы еще краснее.

"Это важно для тебя". Это был почти не вопрос.

"Да", - сказала она. В тот момент слова казались слабым эквивалентом по сравнению с физическим измерением. Член Бобби произвел на нее такое впечатление, которое она едва могла сформулировать. "Ты очень большой, и... ты тоже много писаешь".

"Тебе это нравится?" спросил Бобби.

"Д-да". Она не была уверена в ответе, пока он не вырвался из ее рта. Сначала это не имело смысла. Но потом все стало понятно. Катрина закусила губу и поняла, что ее соски упрутся в хлопок майки, натягивая ее. На прилавке послышался стук, и перед ними поставили две дымящиеся тарелки с едой; пьянящий аромат крови сменился в носу Катрины самым приятным запахом, который она когда-либо ощущала, - сильным ароматом сочной баранины, курицы, риса, овощей и специй. Повар в тюрбане не смотрел ей в глаза, да и вообще ни разу за все время их визита. Ее залитое кровью лицо и грудь, казалось, ничуть не беспокоили его.

"Маклуба", - повторил Бобби. Тарелки были из простого черного металла, к каждой прилагалась вилка. "Это самое вкусное". Он взял тарелку и начал есть, с жадностью вгрызаясь в мясо. Катрина наблюдала за ним, как в трансе. Он был так красив для своего возраста; его зубы были ослепительно белыми, а острые клыки казались немного преувеличенными, когда она вгрызалась в кусок горячей полоски приправленной баранины.

Еще пять минут назад это было живое существо, - изумилась Катрина. И он пожирает его. Поглощает, потому что так ему хочется. Он делает только то, что хочет. Это... это то, чего хочу я!

Рядом с обеими тарелками стояло блюдо с водой и горячее полотенце для рук; Катрина взяла свое и вытерла лицо и грудь, продолжая смотреть на Бобби в состоянии транса. Шеф-повар отошел в заднюю часть киоска, чтобы посидеть и покурить кальян в тени, и она едва заметила его. Как будто этот человек был всего лишь реквизитом в представлении Бобби; сама ночь с ее пеленой тайны, казалось, подчинялась команде Бобби. Она потянулась рукой к своей тарелке, взяла кусок баранины и поднесла его ко рту, отрывая по кусочку и проглатывая. Ее волосы были распущены и рассыпались по плечам, тонкая дорожка оставшейся крови смешивалась с блеском пота на вздымающейся груди. Ее серо-голубые глаза блестели.

Это было лучшее, что она когда-либо пробовала в своей жизни. А Бобби... Бобби был...

"Мы должны сказать \"спасибо\", - вдруг сказал Бобби. \"Наш отец хотел бы этого, как ты думаешь?\" Катрина почувствовала внезапное отвращение к этой идее: эти заученные речитативы заученной молитвы во время каждого приема пищи казались ей перформативной чепухой из другого измерения. Она не хотела думать о них в этой дикой ночи. Она покачала головой.

"Нет", - сказала она. "Нет, я не хочу".

"Ты должна", - настаивал Бобби. "И... есть кое-что еще, что ты можешь сделать в это же время". Он наклонился, чтобы прошептать ей на ухо, и при движении его рта ее лицо покраснело и наполнилось нервозностью, в которой не было отказа. Когда Бобби отстранился, Катрина подняла свою тарелку и поставила ее на пол рядом со стойкой ресторана, на потрескавшийся и забрызганный мочой тротуар, опустившись для этого на колени. Ее глаза были под гипнозом этого вечера, череды событий, которые заворожили ее впечатлительный разум обещанием

такой свободы, таких новых ощущений.

Стоя на коленях, она раздвинула бедра. Бобби повернулся к ней, и она потянулась к ширинке его брюк, расстегивая их, как он сам это делал ранее. Перед ней открылся интимный вид на его размер и длину. Бледный, гладкий, переходящий к концу в розовый цвет, толщиной почти с ее руку и достигающий костяшек пальцев до локтя. Она обхватила его рукой и, хотя никогда в жизни не гладила член, принялась за дело с осторожным, но удивительным мастерством.

"Благослови нас, Господи", - тихо попросил Бобби.

"Благослови нас, Господи", - вздохнула Катрина, поднося его толстый член к своему лицу. Она подняла тарелку с макубой противоположной рукой так, что та оказалась прямо под его головкой. "За эти дары Твои, которые я сейчас получу. От щедрот твоих". Ее рука спустилась вниз по его стволу, чтобы нащупать эти большие гладкие яйца - такие большие, такой идеальной яйцеобразной формы, такие тяжелые. Она сжимала и разминала их, и сердце ее забилось еще быстрее от ощущения слизи и полноты. "От щедрот твоих", - повторила она, сглатывая слюну ртом. Она снова провела рукой по стволу Бобби, и раздался мокрый, брызжущий звук: из дырочки на кончике его члена вытекла толстая струйка белой слизи и растеклась по ее еде, украшая ее. К запаху еды примешался отвратительный аромат, но Катрина поняла, что не испытывает ни отвращения к нему, ни от того, что видит. Выделения из члена Бобби были такими густыми, и их было так много, хотя она лишь слегка погладила его.

"Через Христа, Господа нашего, аминь", - прошептала она, немигающими глазами вглядываясь в каждую деталь. Она видела, как подергиваются яйца Бобби, а затем еще одна огромная порция белой струи вылилась на ее еду, смешиваясь с мясом, овощами и маслом.

Так продолжалось в течение пяти минут. Катрина доила, и молилась, и с восторженным вниманием наблюдала, как струйка за струйкой, противная и обильная струя сливок выливается на ее еду. Она задыхалась и удивлялась тому, какие большие, бурлящие заводы по производству спермы были у ее младшего брата, он продолжал извергать сперму, казалось, без конца, пока вся ее тарелка со вкусной едой не была полностью утоплена в ней. Глядя на толстые струйки спермы, она поняла, что они застрянут у нее в горле, если она попытается их проглотить, поэтому сначала их нужно было прожевать.

Когда все было готово, она осенила себя крестным знаменем, поставила тарелку на землю, уперлась ладонями в шершавую мостовую и, покачивая огромным членом младшего брата, задевающим ее волосы, стала глотать и глотать пищу, как собака. Ее глаза были пусты от голода и потребности совершить преступление. Ей было все равно, что делать, лишь бы это было восстанием против привычного уклада.

Они ели вместе: он - стоя с вилкой, Катрина - на четвереньках, выгнув спину, выпятив попу, чтобы шорты не стесняли движений, раздвинув колени.

Она не остановилась, пока не вылизала свою тарелку дочиستا.

Вернувшись домой, Ванесса сидела в комнате Бобби с выражением досады. Она беспрепятственно вернулась туда, желая покинуть гостиную после ссоры с Кэлом. Она пришла к мужу, чтобы сказать, что Исаак, похоже, потрясен событиями в церкви, и посоветоваться с ним по поводу ухудшающихся отношений между биологическим и приемным сыном.

К ее ужасу, Кэл сначала отнесся к этому с пренебрежением, а затем стал упрямыться. Было ясно, что после катастрофы в церкви Божественной Пятидесятницы он не желает слушать о

новых неприятностях, связанных с детьми или чем-то еще. Напротив, он держал ноутбук открытым и, похоже, сочинял новую проповедь. На все ее попытки завязать разговор он реагировал резко отрицательно, и в конце концов они дошли до крика.

"Ты можешь написать свою проповедь позже!" возразила Ванесса, пытаясь отвлечь его внимание от этого безумного экрана, который занимал так много времени на протяжении всего их брака. "Кэл, после того, что произошло, разве ты не думаешь, что детям нужно..."

Сначала он сказал ей, что паства в церкви - это и его дети, что вызвало у нее раздражение. Он объяснил, что рано или поздно они будут нуждаться в его духовном руководстве. У него была возможность использовать несчастную смерть мисс Карлайл в качестве "учебного момента". Люди будут ранены и будут искать ответы. Кроме того, у него был всего один день, чтобы подготовить подходящее духовное свидетельство. По его мнению, если он как следует поработает над этим, то уровень поддержки церкви будет только расти.

Ванесса всегда была согласна с объяснениями Кэла, но в этот раз она разозлилась, потому что ей показалось, что он использует в отношении нее те же хитрости и приемы, что и в отношении паствы. Она смутно осознавала, что, возможно, он делает это уже много лет, и ее комфорт в их большом доме со всеми удобствами жизни высшего класса побуждал ее не раскачивать лодку.

Она не знала, почему заговорила о Бобби именно тогда; казалось, что именно этот вопрос мог привлечь внимание Кэла.

"Вы нужны своему сыну", - настаивала она. "Вы должны поговорить с Бобби, когда они с Катриной вернутся. Он был рядом со старухой, когда она уходила. Он должен быть в ужасе". Она поняла, что сама не верит в эти слова - Бобби казался ей самым невозмутимым мальчиком на свете, и если кто и мог справиться с неожиданной смертью, так это он, - но ей все равно захотелось возразить Кэлу. То, как он печатал на ноутбуке, придумывая уловки, тропы и ухищрения, чтобы привести массы к тарелке для сбора денег... Смерть мисс Карлайл сделала все это таким фальшивым.

Она ожидала, что он будет раздражен, но его реакция оказалась еще сильнее. Поднявшись с дивана, Кэл захлопнул ноутбук и бросил его на журнальный столик. Он посмотрел на нее с таким выражением разочарования и гнева, что она на мгновение испугалась. "Не говори со мной об этом мальчике", - пробурчал Кэл, отмахнувшись от нее. "То, что он там сделал, усугубило плохую ситуацию". Он посмотрел на пол и нахмурил брови. "Ему вообще не следовало там находиться. У нас все было хорошо, милая, мы были очень сплоченными, все работало как машина. Там должен был быть Исаак".

"Кэл!" рявкнула Ванесса, уперев руки в бедра. "Бобби не сделал ничего плохого!"

"Я не хочу это обсуждать", - ответил Кэл, и от злости его голос стал резким и злым. "Бобби теперь будет сидеть сзади, и это окончательно". Он опустил глаза, почти надувшись. "Я не должен был позволить убедить меня выставить его вперед, чтобы он создавал проблемы".

"Он восемнадцатилетний мальчик, Кэл! Какие от него могут быть проблемы?"

"Мне все равно, Ванесса!" - прорычал он. "Ты не видела его лица. Когда она умирала, эта старая летучая мышь..."

"Старая летучая мышь?!"

"Ему было все равно. И ему на все наплевать", - усмехнулся Кэл, вскидывая руки.

"Это тебе все равно, Кэл", - подумала Ванесса, но не сказала. "И мы оба это знаем. Мы оба знаем, что мы делаем с церковью". Но сказать это означало бы разоблачить то, в чем она соучаствовала на протяжении многих лет, и она это знала. Она всегда считала это безобидным.

"Ты говоришь как ненормальный, Кэл", - выругалась Ванесса. "Паранойя по поводу собственного сына!"

Кэл нахмурил брови. Ссора либо перерастет в крик, либо кому-то из них придется отстраниться. Она увидела, как он ушел в себя, делая усилие, чтобы успокоиться и отстраниться. "Убирайся, Ванесса", - сказал он, его голос снова стал спокойным. Он сел обратно на диван и снова открыл свой ноутбук. "Разговор окончен".

Она уже уходила. Она топала по коридору, вдоль дверей, ведущих в прачечную, и зашла в первую попавшуюся... которая оказалась комнатой Бобби. Она закрыла за собой дверь, села на его кровать, сняла серьги, сжимая кулаки и устремив взгляд на стену... и тут обнаружила себя неподвижной.

Ванесса перевела взгляд на светлое дерево прикроватной тумбочки. Она знала, что лежит в нижнем ящике - та стопка рисунков Бобби, которая показалась ей такой пугающей и интригующей. Она перебралась на кровать в юбке, шортах и туфлях, наклонилась вперед так, что ее большие круглые груди выпирали из блузки, как валуны, и открыла ящик. Рисунки лежали там же, где он оставил их раньше. Не удержавшись, она еще раз пролистала их, чувствуя, как по лицу разливается жар, когда она добралась до тех, которые показались ей неуместными и, возможно, богохульными - тех, о которых она не хотела говорить Кэлу, поскольку он мог отреагировать... ну... примерно так же, как он только что отреагировал.

Она смотрела на них снова, один за другим, пока не остановилась на одном, которого раньше не видела. Он был новым - настолько новым, что на странице еще оставались опилки от карандаша и ластика. Глаза Ванессы расширились за очками "горячей мамы", она задышалась, а потом плотно закрыла их.

На новом рисунке было изображено жертвоприношение. Прошло целых полминуты, прежде чем она смогла открыть глаза и посмотреть на рисунок. Ей захотелось скомкать его и выбросить, или засунуть обратно в самый низ стопки и больше никогда на него не смотреть. Но она не смогла удержаться. На картинке ягненок со зловещими рогами Бафомета был пущен под нож мясником, похожим на мавра. Под этим действием, принимая потоки крови на свое тело, стояла обнаженная девушка. Фигуры были плоскими и нарисованными в старинном стиле, как витраж, но без цвета. Сбоку, в ванне, намыливая одежду, смотрела женщина-мойщица, и ее лицо снова было безошибочно узнаваемо. Выразительные скулы, очки, полные губы. Стиральщица была похожа на нее.

А девушка, на которую брызгали кровью ягненка, была похожа на...

"Боже мой", - прошептала Ванесса. Внизу страницы была надпись, старательно сделанная Бобби:

2 Царств 12:1-4

"У бедной женщины не было ничего, кроме одного ягненка, которого она купила и вскормила; и он вырос вместе с нею и с детьми ее. Он ел хлеб ее и пил из чаши ее, и лежал на груди ее, и был ей как сын".

Ее взгляд вернулся к ягненку со странными, зловещими рогами Бафомета. Несмотря на то, что его резали, перерезали горло, он настороженно и напряженно смотрел на зрителя, и, казалось, прямо на нее. Черный ягненок, которого совершенно не беспокоит такая мелочь, как перерезанное горло. Он купал девочку в своей крови, а женщина-мойщица стояла в стороне и наблюдала за происходящим, женщина-мойщица с её лицом. Женщина-мойщица, которая, казалось, не возражала против этого кощунства, возможно, даже наслаждалась им!

Стиральщица. Она посмотрела на корзину для белья Бобби, стоявшую по другую сторону кровати. Повернувшись на покрывале, она почувствовала покалывание в животе и принялась осматривать корзину. Корзина была заполнена наполовину... а на самом вершине лежала пара черных трусов-боксеров. Она опустила руки в корзину, взяла их и застонала, обнаружив, что трусы влажные и тяжелые. Потянув их вверх и наружу, она увидела, что они полностью заполнены семенем. Промежность действительно оттопыривалась вниз от скопившейся и застоявшейся спермы, которая висела в середине, отягощая ее, как гамак.

Он рос вместе с ней и ее детьми. Он ел ее хлеб и пил из ее чаши.

Ванесса почувствовала дрожь между ног. Она уже видела однажды, сколько спермы может произвести ее молодой приемный сын. Она представляла себе, как он лежит в постели, рисует ее, может быть, думает о ней, гладит себя по трусам, облегающим его худое молодое тело, пока не задыхается и не начинает издавать звуки, тяжелые, брызжущие, жидкие звуки, как будто из бутылки выжимают последнюю каплю мыла, а ее сын наполняет трусы, пока они не пропитываются им, выстрел за выстрелом, массивный груз за массивным грузом...

"Так много!" - прошептала она и, сама не зная, что на нее нашло, поднесла обрызганные спермой трусы к лицу и прижала их прямо к носу и рту, глубоко вдохнула, приглушая звук, и плюхнулась обратно на матрас, расстегнув юбку и раздвинув колени, а затем подняла руку, чтобы взять один из своих больших, чувствительных сосков и пощипать его.

В нос Ванессе сразу же ударил сильный запах спермы, самый сильный из всех, с которыми она когда-либо сталкивалась. Она вдыхала, фыркала, стонала и чувствовала, как скопление густой спермы размазывается по губам и забивает ноздри. Запах густой, мужественной спермы влился в ее мозг, и она инстинктивно поняла, что если Бобби будет трахать женщину, даже в его юном возрасте, то она мгновенно забеременеет. Сперма ее приемного сына была такой густой и так сильно пахла! Не задумываясь, она просунула руку под колготки и трусики, поглаживая и перебирая пальцами; она обнаружила, что невероятно отзывчива, более отзывчива, чем была с Кэлом за все время их слезного брака. Она впиалась в себя сначала двумя пальцами, потом тремя, грубо натирая себя и разминая клитор большим пальцем. Она надела трусы Бобби как маску, вдыхая его сущность, а потом и вовсе засунула трусы в рот, наслаждаясь вкусом этой густой, слипшейся спермы. Она оргазмически стонала, позволяя фейерверкам кульминации сотрясать ее, когда ее таз толкался вверх и наружу, а тело отрывалось от матраса.

"Оооуунннн!" - стонала она, ее глаза скрещивались и закатывались за ее горячими очками милфы. Она шлепала, сжимала и разминала свои груди, скупно дыша с засунутыми в рот трусиками, отчаянно копаясь в своей киске и доводя себя до оргазма, за которым следовал следующий оргазм. Некоторые из этих ощущений и навязчивых мыслей она испытала в первый раз, когда обнаружила покрывало Бобби, залитое спермой. Но это было в десять раз сильнее, и она не могла удержаться, чтобы не сделать еще больше!

Она одновременно и боялась, и жаждала той мрачной странности, которая, казалось, витала вокруг Бобби. Не то что Кэл. Кэл или Исаак, которые, казалось, не доверяли мальчику. Но

Бобби был хорошим, Бобби был сильным и смелым, им можно было восхищаться, ему можно было многое предложить! Она решила, что им придется смириться. Они должны принять Бобби так же, как она приняла его. Бобби был особенным мальчиком... и она не хотела отказываться от этих чувств, от тех чувств, которые удовлетворяли ее потребность в воспитании и в удовольствии.

В окно не проникал свет, пока она ласкала себя пальцами и стонала. Солнце уже село. Она доводила себя до одного оргазма, второго, третьего. Она терла трусы Бобби о свое лицо, грубо разминала их о груди, засовывала их в трусики спереди, чтобы выделения сына еще больше увлажнили ее складочки. Оргазмы были сладкими, легкими и непринужденными.

Прошло полчаса, прежде чем она собралась с силами и вышла, взволнованная и испачканная, чтобы переодеться. Исаак с озабоченным видом и Кэл с раздраженным видом слонялись по гостиной в ожидании ужина. Кэл, чье сияющее выражение лица еще не остыло после их ссоры, спросил, не должны ли Бобби и Катрина, ушедшие за едой, уже вернуться. Он сделал это нехотя, как будто ему совсем не хотелось спрашивать о Бобби.

"Я уверена, что с ними все в порядке, Кэл", - сказала Ванесса, думая о рисунке, о черном ягненке, о вкусе и запахе спермы сына. "Я уверена, что с ними все в порядке".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://erolate.com/book/4046/111020>